

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 322(532)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

«Шиитский вопрос» в политическом развитии Саудовской Аравии

Василий Дмитриевич ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

ЦИТИРОВАНИЕ: Останин-Головня В.Д. «Шиитский вопрос» в политическом развитии Саудовской Аравии // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 169–185.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

Статья поступила в редакцию 14.05.2024.

Исправленный текст представлен 07.09.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние «шиитского вопроса» на политическое развитие Саудовской Аравии. Актуальность изучения межконфессиональных отношений в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) обусловлена религиозной спецификой государства, которая является мощным фактором эволюции внутренней и внешней политики Эр-Рияда. Автор описывает процесс превращения «шиитского вопроса» из проблем внутренней стабильности королевства в один из важнейших элементов внешнеполитического курса Саудовской Аравии. Освещаются методологические аспекты исследования межконфессиональных отношений в КСА. Особое внимание уделяется определению численности шиитской общины королевства с привлечением как результатов официальной переписи населения 2022 г., так и альтернативных

оценок на основе сторонних данных. Отдельно рассматривается влияние «шиитского вопроса» на развитие двусторонних отношений Саудовской Аравии и Ирана после 1979 г., а также взаимосвязь политической динамики Ближнего Востока и трансформации подходов Эр-Рияда к решению вопросов внутренней стабильности. В заключении представлена оценка проблем и перспектив развития политики КСА в сфере межконфессиональных отношений на фоне проводимых в рамках программы «Видение: 2030» реформ и текущих событий в регионе, в том числе в контексте нормализации ирано-саудовских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Саудовская Аравия, шиизм, суннизм, ваххабизм, суннито-шиитский конфликт, ирано-саудовские отношения, исламский фактор, Ближний Восток.

Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии вызывает большой интерес как с точки зрения политического развития и межконфессиональных отношений внутри самого королевства, так и в контексте региональных и международных процессов. Известно, что своим возникновением саудовская государственность во многом обязана заключенному в середине XVIII в. союзу между эмиром Мухаммадом ибн Саудом и богословом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом, учение которого стало «идеологическим базисом» объединения Аравийского полуострова под властью Саудидов. Несмотря на неудачные попытки построения первых двух государств, династии Аль Сауд и Аль аш-Шейх сохранили верность друг другу и смогли образовать своеобразный «правлящий тандем», где в руках первых находится вся полнота политической власти, в то время как за вторыми закреплена ведущая роль в религиозно-богословских делах.

В наше время правящий монарх Саудовской Аравии носит почетный титул Служителя Двух Святынь, глава рода Аль аш-Шейх – Абд аль-Азиз ибн Абдалла – занимает должность Верховного муфтия королевства, а государственный статус ислама в Саудовской Аравии закреплён на законодательном уровне через Основной низам правления от 1992 г., первая статья которого символически провозглашает Коран и Сунну конституцией королевства¹. Более 93% населения страны, по оценкам *Pew Research Centre*, являются мусульманами [*Fahmy*, 2018], что с учетом результатов переписи населения КСА

2022 г. составляет около 29 млн чел. (всего же в стране проживает более 32 млн чел.)².

Примечательно, что официальная статистика делает акцент на таких показателях, как средний возраст жителей страны (29 лет), коэффициент фертильности (2,8), средний размер семьи внутри (4,8 чел.) и за пределами (2,7 чел.) королевства, соотношение мужчин (61,2%) и женщин (38,8%), а также саудовцев (58,4%) и несаудовцев (41,6%), но не приводит никакой информации относительно этнического и религиозного состава населения. В связи с этим для определения численности шиитской общины в Саудовской Аравии приходится полагаться либо на оценки различных организаций, исследовательских коллективов или отдельных экспертов, либо на косвенные показатели и неподтвержденные данные.

Например, согласно «Британнике», одной из самых авторитетных англоязычных энциклопедий, в 2000 г. с учетом всех подданных, неподданных и трудовых мигрантов доля суннитов в Саудовской Аравии составляла 84% общего количества верующих, шиитов – 10%, католиков – 3%, индуистов – 1%, неверующих и представителей прочих вероисповеданий – 2%³. В докладе Международной кризисной группы (ICG) от 2005 г. под названием «Шиитский вопрос в Саудовской Аравии» приводится менее точная оценка – 10–15% [Middle East Report..., 2005, p. 5], что в середине 2000-х годов равнялось бы примерно 2 млн чел. Также имеется и американская версия: по данным

1 Основной низам правления = النظام الأساسي للحكم // Консультативный совет = مجلس الشورى – Араб. яз. – URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraarabic/internet/laws+and+regulations/the+basic+law+of+government/the+basic+law+of+government> (дата обращения: 15.05.2024).

2 Перепись населения Саудовской Аравии 2022 = 2022 تعداد السعودية // SAUDI CENSUS. – Араб. яз. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 15.05.2024).

3 Religion of Saudi Arabia // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/place/Saudi-Arabia/Religion> (дата обращения: 15.05.2024).

отчета Госдепартамента США о международной свободе вероисповедания за 2022 г., общая численность мусульман в Саудовской Аравии составляет 85–90%, из которых около 10–12% являются шиитами⁴.

Если же опираться на результаты переписи населения КСА 2022 г., то можно подсчитать (с очевидными погрешностями) соотношение населения провинций, где традиционно проживают шииты, с населением прочих регионов королевства. Совокупная численность жителей Аш-Шаркийи (5 125 254 чел.), Асира (2 024 285 чел.), Джазана (1 404 997 чел.) и Наджрана (592 300 чел.) составляет 9 146 836 чел.⁵, или 28,43% общей численности населения (32 175 224 чел.). Подобный подход (при учете устаревших данных по пропорциям конфессионального состава населения королевства) дает некоторым исследователям возможность предположить, что доля шиитского населения Саудовской Аравии составляет около 20–25%, то есть приблизительно 7,5 млн чел.⁶

Так или иначе, вне зависимости от подхода к определению пропорций конфессионального состава населения КСА шииты остаются меньшинством, а с учетом численности суннитов и роли ваххабизма в развитии социально-политической системы государства Саудовскую Аравию можно назвать крупнейшей арабской суннитской монархией современности. При этом на протяжении истории религиозная специфика страны имела непосредственное влияние на формирование как внутренней, так и внешней политики королевства.

Исторические предпосылки

Если говорить об истории сунни-то-шиитских взаимоотношений в целом, то в их развитии, как указала в одной из своих статей О.С. Чикризова, выделяется шесть этапов: с 632 по 661 г., с 661 по 1258 г., с 1258 по 1501 г., с 1501 по 1925 г., с 1925 по 1979 г. и с 1979 г. по настоящее время [Чикризова, 2015, с. 75–78]. Наибольшее значение в контексте заявленной темы имеют последние три этапа, так как именно они хронологически совпадают с периодами активного распространения ваххабитского учения, а также зарождения, становления и последующего развития саудовской государственности.

Салафитская направленность ваххабитского учения сформировала среди его последователей негативное отношение к шиизму. В своей проповеди М. ибн Абд аль-Ваххаб называл шиитов «рафидитами», то есть «отвергающими», или, в вольном переводе, «отступниками» [Commins, 2009, p. 16]. Культовые практики шиитских общин навроде празднования Дня Ашура и поклонения могилам имамов он причислял к вредным нововведениям (*бид'а*), граничащим с язычеством [DeLong-Bas, 2005, p. 89–90]. Саудиды, в свою очередь, активно использовали богословские концепции М. ибн Абд аль-Ваххаба для обоснования своих политических амбиций и претензий на власть среди племен Аравии. Одним из ярчайших моментов здесь стало нападение неждидийских ваххабитов на Кербелу в 1802 г., которое завершилось резней и разграблением гробницы одного из самых почитаемых среди ши-

4 2022 Report on International Religious Freedom // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 15.05.2024).

5 Население по национальной принадлежности = السكان حسب الجنسية // SAUDI CENSUS. – Араб. яз. – URL: <https://portal.saudi-census.sa/portal/public/1/18/101511?type=TABLE> (дата обращения: 15.05.2024).

6 Сколько шиитов в Саудовской Аравии? = كم عدد الشيعة في السعودية // Полная арабская энциклопедия = الموسوعة العربية الشاملة – Араб. яз. – URL: <https://www.mosoah.com/news/ksa-news/السعودية-في-الشيعة> (дата обращения: 15.05.2024).

итов имамов Хусейна ибн Али [Васильев, 1999, с. 104–107].

Конечно, Саудиды руководствовались не только религиозными мотивами. Ближе к концу периода правления Абд аль-Азиза ибн Мухаммада (1765–1803) иракские племена, стремясь сорвать соглашение между эмиром и османским наместником Мекки, участвовали в нападениях на саудовские караваны, что, собственно, и привело к ответным действиям со стороны Дир'ийского эмирата. Однако, несмотря на политические причины, набег ваххабитов на Кербелу в 1802 г. привел к резкому обострению межконфессиональных отношений между шиитами и суннитами Аравии. Руководившего нападением Сауда ибн Абд аль-Азиза иракские шииты прозвали «мясником Кербелы», а Усман Ибаджи, убивший в 1803 г. Абд аль-Азиза ибн Мухаммада, согласно преданию, перед тем как вонзить ханджар в грудь эмира, воскликнул: «Пусть свершится месть за могилу Али, за твоё оскорбление!» [Evered, 2012].

Не менее ярким эпизодом в истории взаимоотношений ваххабитов и шиитов является разрушение мединского кладбища аль-Баки', где покоились не только родственники самого пророка Мухаммада, но и многие выдающиеся богословы ислама, в том числе шиитские имамы. Первую попытку сравнять с землей это культовое место Саудиды предприняли в 1806 г., так как, согласно учению М. ибн Абд аль-Ваххаба, любое почитание могил является формой идолопоклонничества, а Дир'ийский эмират после захвата Хиджаза стремился всеми возможными способами продемонстрировать, что хадж теперь находится под их властью. Так, в 1805 г., за год до первого разрушения аль-Баки', ваххабиты запретили паломничество выходцам из Ирака и Ирана, среди которых была наибольшая доля шиитов, а в 1806 и 1807 гг. допуска к святым ме-

стам Мекки и Медины лишились уже сирийцы и египтяне [Васильев, 1999, с. 152–153]. При этом под жесткие ограничения попали многие элементы культовой практики (например, *махмаль* и *кисва*) и предметы роскоши вроде ювелирных украшений, богатых одежд и музыкальных инструментов, что сопровождалось еще и постоянным увеличением налогов.

Тем не менее в ходе египетской экспедиции в Аравию 1811–1818 гг. ваххабиты были вытеснены из Хиджаза, а в 1818 г. пала Дир'ия, на чем закончилась история первого государства Саудидов. Ваххабиты лишились прежнего влияния на полуострове почти на 100 лет. Однако в 1924 г. Аль Сауд вновь завоевали Хиджаз, вернув себе контроль над Меккой и Мединой. На следующий год Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман, заручившись поддержкой кади Абдаллы ибн Булайхида, распорядился окончательно разрушить кладбище аль-Баки' [Mohammadi, 2015, p. 49]. Дата завершения сноса – 21 апреля 1926 г. – вошла в шиитскую традицию как День скорби и стала одним из центральных эпизодов не только в исторической памяти шиитской общины Саудовской Аравии, но и во всём развитии суннито-шиитских взаимоотношений.

Шиитское меньшинство в суннитском королевстве

После провозглашения королевства в 1932 г. шииты, проживающие на территории Саудовской Аравии, оказались в положении дискриминируемого меньшинства. Многие представители шиитской общины еще до объединения Неджда и Хиджаза были вынуждены бежать на территорию Ирака, Ирана, Йемена и Бахрейна, так как в середине 1920-х годов они стали подвергаться систематическим гонениям со сторо-

ны наиболее ревностных ваххабитов [Кириченко, 2015, с. 135]. На определенном этапе религиозный фанатизм ихванов, бывших основой войска Саудидов в процессе объединения земель полуострова, стал представлять прямую угрозу централизованной власти.

Соглашения с Великобританией, в рамках которых Абд аль-Азиз, помимо прочего, обязался прекратить набеги «братьев» на Трансиорданию, Ирак и Кувейт, побудили лидеров движения выдвинуть королю целый список претензий, где одним из пунктов значилось терпимое отношение к «рафидитам» (то есть шиитам) в Аль-Хасе и Аль-Катифе [Armstrong, 2005, р. 216]. Король, в свою очередь, пытался прийти к компромиссу, однако попытки договориться с недовольными вождями провалились. И хотя восстание ихванов 1927–1930 гг. было подавлено, «терпимое отношение» Абд аль-Азиза к шиитам изменилось: за ними сохранялось право на отправление культа в личном порядке, но при этом вступал в силу запрет на строительство новых мечетей и учреждение собственных школ [Commins, 2009, р. 76]. В дальнейшем шииты лишились доступа к военной службе, руководящим должностям в государственных структурах и крупных коммерческих предприятиях, что позволяет говорить если не о систематическом угнетении, то как минимум о притеснениях шиитского меньшинства со стороны суннитского большинства.

Тем не менее на протяжении 1930–1960-х годов «шиитский вопрос» оставался преимущественно внутренней проблемой Саудовской Аравии. Шииты принимали участие в ряде забастовок работников нефтяных предприятий (например, в 1944 г. и 1953 г.) и демонстрациях против размещения американских войск на территории королевства (например, событий 1956 г. в Аз-Захране), но тогда они выходили

в одном ряду с недовольными суннитами и в качестве самостоятельной протестной силы фигурировали крайне редко.

В указанный период Эр-Рияд гораздо больше внимания уделял борьбе с оппозиционными политическими движениями по типу насеристов, баасистов, радикальных националистов и республиканистов. Однако уже в 1970-е годы на фоне начала «исламского пробуждения» и следовавших за ним трансформаций политического ландшафта Ближнего Востока ситуация стала меняться [Останин-Головня, 2022, с. 213]. Иранская революция 1979 г. дала мощный импульс к подъему шиитского движения во всем регионе, что привело к обострению противоречий с суннитами и, как следствие, усилению влияния исламского фактора на мировую политику. Своеобразные «линии разлома» возникли практически во всех странах Арабского Востока, где имелись шиитские общины: от Ливана, Сирии и Ирака до Йемена, Бахрейна и Саудовской Аравии.

26 ноября – 3 декабря 1979 г. в Аль-Хасе и Аль-Катифе начались массовые протесты шиитов, требовавших обеспечения прав на религиозную свободу и улучшения качества жизни в регионах их компактного проживания [Федорченко, 2013, с. 109]. Предлогом стал запрет саудовских властей на публичное празднование Дня Ашура. Первые демонстрации носили преимущественно мирный характер, но после их разгона социальные лозунги недовольных шиитов обрели политический характер, толпа стала вооружаться камнями, палками, а в некоторых случаях холодным оружием, что вынудило Национальную гвардию КСА применить не только дубинки и электрошокеры, но и огнестрельное оружие. В результате беспорядков погибли 24 протестующих, были ранены около 100 участников ак-

ций и арестовано несколько тысяч человек [Nehme, 1994, p. 930–943].

Жестокая реакция силовиков во многом была обусловлена тем, что выступления шиитов на востоке королевства происходили на фоне трагических событий 20 ноября – 4 декабря 1979 г. в Мекке, где группа радикальных салафитов захватила Мечеть аль-Харам, взяв в заложники более 6 тыс. паломников. Достаточно быстро выяснилось, что за организацией протестов в Аль-Хасе и Аль-Катифе стояла Организация за Исламскую революцию на Аравийском полуострове (ОИРАП) во главе с шиитским шейхом Хассаном ас-Саффаром. После разгона демонстраций лидеры ОИРАП бежали из королевства в Иран и Европу, а в 1980 г. активисты Организации начали издавать в Лондоне Журнал Исламской революции, в котором публиковались программные тексты, явно вдохновленные идеями хомейнизма [al-Mdaires, 2010, p. 200]. Для саудовских властей всё это было явным свидетельством если не прямой вовлеченности революционного Ирана, то как минимум его заинтересованности в развитии протестного движения среди шиитов королевства, что привело к трансформации внешней политики Эр-Рияда и началу конфронтации с Тегераном.

С 1981 г. иранские паломники стали регулярно проводить политические демонстрации во время хаджа. Чаще всего их лозунги были направлены против Израиля, а также против политики США и СССР в отношении стран «исламского мира». Обычно всё заканчивалось разгоном подобных акций и единичными арестами, однако 31 июля 1987 г. силы полиции и Национальной гвардии КСА перекрыли маршрут демонстрации,

что привело к давке и жестоким столкновениям, в результате которых погибли около 400 чел., среди которых насчитывалось 275 паломников из Ирана, 42 паломника из других стран и 85 саудовских силовиков⁷.

Действия правоохранительных органов Саудовской Аравии в той ситуации были обусловлены тем, что в мае 1987 г. в Восточной провинции королевства возникла военизированная организация под названием «Хизбалла Хиджаза», и в Эр-Рияде опасались, что ее члены могут превратить очередную демонстрацию в вооруженное восстание [Matthiesen, 2010, p. 186–188]. Во многом опасения были оправданы, так как вскоре «Хизбалла Хиджаза» опубликовала заявление с призывом к свержению режима Саудидов, а в дальнейшем использовала события в Мекке для обоснования терактов на нефтяных объектах в Рас аль-Джуайма (август 1987 г.) и Джубейле (март 1988 г.) [Кириченко, 2015, с. 138].

Тем не менее после завершения ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и смены руководства Исламской республики в 1989 г. отношения между Эр-Риядом и Тегераном стали постепенно теплеть, что сказалось и на положении шиитского меньшинства Саудовской Аравии. В 1993 г., по окончании «зачистки» наиболее радикальных элементов ОИРАП и «Хизбаллы Хиджаза», король Фахд провел встречу с представителями оппозиции, большинство которых составляли шииты. В обмен на обещание прекратить подрывную деятельность на территории страны монарх обязался ликвидировать некоторые формы явной дискриминации. В частности, из учебников были исключены уничижительные термины по отноше-

7 Saudi Report Broad Support for Mecca Policy: Envoy Says Heads of 40 Nations Hail Tough Stand Against Iranian Rioters // Los Angeles Times. – 1987. – August 7. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1987-08-07-mn-1141-story.html> (дата обращения: 15.05.2024).

нию к шиитам, а некоторые оппозиционные активисты получили амнистию и разрешение вернуться в КСА [Федорченко, 2013, с. 110].

Однако вскоре «перемирие» между Саудидами и шиитами было нарушено. 25 июня 1996 г. в Аль-Хубаре террористы направили автоцистерну с 2 тоннами взрывчатки в жилой комплекс, где размещался личный состав ВВС США. В результате теракта погибли 19 американских военных, около 500 чел. получили ранения, а ответственность за случившееся Саудовская Аравия возложила на проиранскую «Хизбаллу Хиджаза», что повлекло за собой репрессии и в отношении шиитских активистов умеренного толка [Matthiesen, 2010, p. 192–193].

Попытка короля Фахда наладить отношения с шиитами носила, по большому счету, ситуативный характер, так как дискриминация на системном уровне была обусловлена не только внутриполитической ситуацией. Исторический конфликт между ваххабитами и шиитами оставил глубокий след в общественном сознании как суннитского большинства, так и шиитского меньшинства, а геополитическая конфронтация Саудовской Аравии и Ирана, продолжающаяся несмотря на периодические попытки нормализации, превратила межконфессиональные отношения в один из важнейших элементов борьбы двух государств за влияние в регионе.

Реформы короля Абдаллы

Очередная попытка нормализации отношений между Саудовской Аравией и Ираном была предпринята в период президентства Мухаммада Хатами (1997–2005). В 1999 г. состоялся офици-

альный визит Хатами в КСА, его преемник Махмуд Ахмадинежад (2005–2013) также неоднократно встречался с саудовскими монархами. В начале 2000-х годов обе стороны были заинтересованы в стабилизации региона, что в условиях иракского кризиса и резкого усиления позиций США на Ближнем Востоке было бы невозможно без очередной разрядки в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном. Напрямую «шиитский вопрос» в ирано-саудовском диалоге того периода не поднимался, так как проблема межконфессиональных отношений могла свести на нет дипломатические успехи ваххабитского королевства и шиитской республики.

Тем не менее саудовское руководство шло на определенные уступки, чтобы продемонстрировать иранским партнерам и международному сообществу свою открытость и готовность к реформам, что было особенно важно после терактов 11 сентября 2001 г. Так, 4 августа 2003 г. по инициативе наследного принца Абдаллы был создан Центр национального диалога им. короля Абд аль-Азиза⁸. Само возникновение Центра, как отметил Г.Г. Косач, внесло «принципиально новые нюансы» в систему власти Саудовской Аравии, так как правящая элита, по сути, впервые открыто обратилась к общественному мнению на фоне проводимых реформ [Косач, 2010, с. 306]. За всё время существования Центра, с 2003 по 2024 г., было проведено (без учета мероприятий регионального уровня) десять тематических форумов под эгидой «Национальные встречи»⁹:

1) 2003 г., август, Эр-Рияд – по теме «Национальное единство»;

2) 2003 г., декабрь, Мекка – «Борьба с религиозным фанатизмом и экстремизмом»;

⁸ В 2023 г. название организации было изменено на «Центр культурной коммуникации им. короля Абд аль-Азиза».

⁹ Национальные встречи = لقاءات وطنية // Центр культурной коммуникации им. короля Абд аль-Азиза = مركز الملك عبدالعزيز للتواصل الحضاري – Араб. яз. – URL: // <https://www.kaccc.org.sa/ar/Archive/index/67> (дата обращения: 15.05.2024).

3) 2004 г., июнь, Медина – о правах женщин;

4) 2004 г., декабрь, Дахран (Восточная провинция) – по молодежной политике («молодежь и образование», «молодежь и труд», «молодежь и культура», «молодежь и национальная идентичность»;

5) 2005 г., Абха (провинция Асир) – «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира»;

6) 2006 г., Сакака (провинция Аль-Джуф) – «Образование: реальность и пути развития»;

7) 2008 г., Бурайда (провинция Аль-Касим) – «Сфера труда и занятости: диалог между обществом и компаниями»;

8) 2010 г., Наджран – «Службы здравоохранения: диалог между обществом и медицинскими учреждениями»;

9) 2012 г., Ат-Таиф – «СМИ: реальность и пути развития»;

10) 2015 г., Табук – «Экстремизм и его влияние на национальное единство».

Эффективность работы Центра и реальная степень «инклюзивности» проведенных им «Национальных встреч», конечно, весьма сомнительны. Многое указывает на то, что данная инициатива прежде всего была призвана дать Саудидам, как выразился Г.Г. Косач, «действительно легитимную возможность последовательного движения по пути углубления реформ» [Косач, 2010, с. 320]. Однако в рамках заявленной темы особый интерес вызывают первые два форума.

К участию в эр-риядском форуме 2003 г. привлекли не только богословов официального ханбалитского мазхаба, но и представителей других правовых школ и течений: маликизма, шиизма, исмаилизма, суфийских тарикатов

и даже оппозиционного салафитского движения «Пробуждение» («*Ас-Сахва ас-Саудия*», или «*Сахва биляд аль-Харамейн*»). Основной темой для обсуждения было преодоление межконфессиональных конфликтов с целью укрепления национального единства в рамках «умеренного исламского дискурса». Одним из ярчайших эпизодов форума стал символический жест одного из лидеров «*Ас-Сахвы*» Салмана аль-Уда, предложившего по окончании мероприятия Хасану ас-Саффару, возглавлявшему на тот момент умеренное «Движение за реформы» («*Аль-Харака аль-Ислахия*»), подвезти его на своей машине [Lasey, 2009, p. 271]. Тем не менее практических результатов первая «Национальная встреча» не принесла.

На мекканском форуме 2003 г., посвященном проблеме терроризма и распространения радикального исламизма в Саудовской Аравии, другой шиитский деятель – Хашим Салман – открыто жаловался на продолжение и рост дискриминации шиитов, хотя по итогу все участники подписали заявление с призывами к терпимости, расширению представительности органов власти, а также отказу от *фетв*, вынесенных отдельными лицами «по вопросам, представляющим национальный интерес»¹⁰. В определенной степени это отразило две основные тенденции политики саудовского руководства по отношению к шиитскому меньшинству в 2000-х годах. С одной стороны, большинство шиитов по-прежнему не имели доступа к руководящим должностям в государственном аппарате и крупных компаниях, продолжались аресты оппозиционных активистов, а массовые мероприятия в Восточной провинции, Наджране и Асире по-прежнему разгонялись

10 Second National Meeting: Fighting fanaticism and extremism // The King Abdulaziz Center for National Dialogue. – URL: https://web.archive.org/web/20080119202013/http://www.kacnd.org/eng/second_meeting.asp (дата обращения: 15.05.2024).

силовыми методами. С другой же стороны, лояльные к власти шииты стали активно привлекаться к участию в деятельности Центра на общесаудовском уровне и начали входить в органы местного самоуправления.

Важно упомянуть, что 30 апреля 2003 г., еще до запуска формата «Национальных встреч», 450 представителей шиитской общины Саудовской Аравии подали наследному принцу, премьер-министру и главе Национальной гвардии коллективную петицию, известную под названием «Партнеры по Отечеству»¹¹. Документ содержал 16 предложений по укреплению национального единства посредством расширения состава старых и создания новых представительных органов власти, реформы образования, пересмотра подходов к профилактике межконфессиональных конфликтов и улучшения положения шиитов. В условиях региональной турбулентности, начавшейся на фоне вторжения США в Ирак, Саудиды стремились максимально стабилизировать внутреннюю ситуацию в королевстве, и поэтому ряд требований петиции был принят во внимание.

Так, после расширения состава Консультативного совета (*Маджлис аш-Шура*) в 2005 г. до 150 чел. пять мест по решению короля было отдано шиитам, в то время как на предыдущих этапах увеличения численности членов совещательного органа (до 60 чел. в 1993 г., до 90 – в 1997 г. и до 120 – в 2001 г.) от шиитской общины имелся только 1 представитель [Sukkar, 2010]. Также в 2005 г. при *Маджлис аш-Шура* был создан Комитет по правам человека, в состав которого вошли 24 члена,

включая двух шиитов. Что касается регионального уровня, то на состоявшихся в марте 2005 г. муниципальных выборах шииты впервые получили большинство (11 из 12 мест) в Аль-Катифе и Аль-Хасе, где явка достигла рекордных 75%¹².

Можно сказать, что на фоне рядки в ирано-саудовских отношениях на рубеже 1990–2000-х годов среди шиитов КСА оформилось новое умеренное реформаторское движение, готовое к мирной политической борьбе за права, а также к конструктивному сотрудничеству с правящим режимом. Саудиды, в свою очередь, пошли навстречу, увидев в этом возможности для укрепления общесаудовской идентичности и повышения собственного имиджа как внутри государства, так и на международной арене. Лидеры шиитской общины признают, что с приходом к власти короля Абдаллы правительство стало демонстрировать большую открытость и готовность к диалогу. Показательным явлением стала отмена ограничений на публичное празднование Дня Ашура, Каркина и ряда других праздников.

При этом подобная мягкость в «шиитском вопросе» со стороны политического руководства страны стала вызывать недовольство среди консервативных кругов общества, что в значительной степени замедлило дальнейшее продвижение реформ. Тревожным сигналом стала петиция 2006 г., в которой радикальные салафитские богословы Саудовской Аравии и Ирака призвали шиитов во избежание насильственной смерти отказаться от «ошибочной веры» и встать на «правильный путь» ислама [Beranek, 2009].

11 Текст документа «Партнеры по Отечеству» = نص وثيقة (شركاء في الوطن) // Аль-Джазира – الجزيرة – Араб. яз. – URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/2-الوطن-نص-وثيقة-شركاء-في-الوطن> (дата обращения: 15.05.2024).

12 Шииты в Саудовской Аравии: От маргинализации к диалогу = الشيعة في السعودية: من التهميش إلى الاحتواء // CNN Arabic. – Араб. яз. – URL: https://arabic.cnn.com/2007/middle_east/3/8/shiite-saudi/ (дата обращения: 15.05.2024).

«Шиитский вопрос» накануне и после «арабской весны»

Замедление темпов реализации реформ короля Абдаллы во второй половине 2000-х годов негативно сказалось на ситуации в межконфессиональных отношениях внутри королевства, так как процесс интеграции лояльных и умеренных шиитов под началом «Аль-Харака аль-Ислахия» во главе с Хасаном ас-Саффаром ограничился формальными мерами, а репрессии против радикальных шиитов и их сторонников набирали обороты.

В частности, в 2006 г. по возвращении из Бахрейна был арестован один из ведущих шейхов шиитской общины Нимр ан-Нимр. Летом того же года в Восточной провинции прошли задержания после демонстраций в поддержку ливанской «Хизбаллы», развернувшихся на фоне ее противостояния с Израилем [Субх, 2012]. 3 сентября 2009 г. *Human Rights Watch*¹³ опубликовала доклад с говорящим названием «Лишение достоинства: Систематическая дискриминация и враждебность к саудовским подданным-шиитам»¹⁴. Немногим позже Нимр ан-Нимр выступил с публичной критикой властей Саудовской Аравии, заявив, что в случае дальнейшего притеснения и несоблюдения прав шиитов Восточная провинция должна отделиться от королевства. В ответ правоохранительные органы КСА вновь арестовали ан-Нимра, а также задержали 35 его сторонников, среди которых, по данным *Amnesty International*¹⁵, было семь

несовершеннолетних, включая Али Ахмада аль-Фараджа – 16-летнего племянника шейха¹⁶.

Всё это с учетом повышенного внимания со стороны СМИ и правозащитных организаций помогло независимому как от умеренного «Аль-Харака аль-Ислахия», так и от радикальной «Хизбаллы Хиджаза» Нимру ан-Нимру обрести большую популярность и стать неформальным лидером шиитского движения 2010-х годов. Конечно, события «арабской весны» затронули богатые монархии Залива «по касательной», протесты были там не столь значительными, как в Тунисе, Египте или Сирии, где события из-за вмешательства внешних акторов переросли в полноценную гражданскую войну. Однако в Бахрейне ситуация вызвала серьезные опасения в ССАГПЗ, и на островное государство был введен контингент «Щита полуострова», основную часть которого составили военнослужащие КСА, что возмутило саудовских шиитов.

В начале марта 2011 г. власти Саудовской Аравии запретили любые митинги, заявив при этом об иностранном вмешательстве, прежде всего со стороны Ирана. Полиция и Национальная гвардия получили разрешение на применение любых средств для пресечения незаконных собраний. Нимр ан-Нимр под предлогом солидарности с бахрейнскими единоверцами призвал своих сторонников к акциям «ненасильственного сопротивления», но достаточно быстро демонстрации переросли в массовые беспорядки, обернувшиеся столкно-

13 Деятельность организации признана нежелательной в Российской Федерации.

14 Denied Dignity: Systematic Discrimination and Hostility toward Saudi Shia Citizens // Human Rights Watch. – 2009. – September 3. – URL: <https://www.hrw.org/report/2009/09/03/denied-dignity/systematic-discrimination-and-hostility-toward-saudi-shia-citizens> (дата обращения: 15.05.2024).

15 Деятельность организации признана нежелательной в Российской Федерации.

16 Shi'a men and teenagers held incommunicado by Saudi Arabian authorities // Amnesty International. – 2009. – March 23. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2009/03/shi039a-men-and-teenagers-held-incommunicado-saudi-arabian-authorities-20090323/> (дата обращения: 15.05.2024).

жениями с полицией и, как следствие, жертвами с обеих сторон.

После ареста ан-Нимра 8 июля 2012 г. интенсивность протестов в Восточной провинции стала постепенно снижаться. Без лидера выступления обрели полустихийный характер и, несмотря на свою яркость, пресекались достаточно быстро и жестоко. Тем не менее повышенное внимание со стороны мировых СМИ и международных правозащитных организаций к протестной активности на Ближнем Востоке в период «арабской весны» превратили «шиитский вопрос» Саудовской Аравии не только в одну из самых обсуждаемых тем, но и в ключевой элемент критики в адрес властей королевства.

Широкий резонанс вызвал смертный приговор Специализированного уголовного суда КСА от 15 октября 2014 г. в отношении Н. ан-Нимра. Заместитель директора программы *Amnesty International* по Ближнему Востоку и Северной Африке Саид Бумедуха заявил, что данный шаг «является частью кампании властей Саудовской Аравии по подавлению любого инакомыслия, в том числе тех, кто защищает права мусульман-шиитов королевства»¹⁷. В ноябре 2015 г. 15 правозащитных организаций передали через госсекретаря США королю КСА коллективную петицию с призывом отменить решение суда, однако документ остался без внимания со стороны саудовских властей¹⁸. Надежда на пересмотр приговора появилась после кончины 90-летнего Абдаллы 23 января 2015 г., но приход к власти Салмана ничего не изменил, и 2 января 2016 г. ан-Нимр был казнен с 46 дру-

гими заключенными, что стало самой массовой экзекуцией в истории королевства с 1980 г., когда были казнены участники захвата Мечети аль-Харам.

Казнь шейха вызвала очередное обострение в отношениях между Саудовской Аравией и Ираном. 3 января 2016 г. в Тегеране толпа демонстрантов при попустительстве полиции разгромила посольство КСА, консульство в Мешхеде также подверглось нападению, что дало формальный повод для разрыва дипломатических отношений. Тем не менее «шиитский вопрос» в ирано-саудовских отношениях, несмотря на попытки сближения 2000-х годах, не ограничивался положением меньшинства в самом королевстве. После «арабской весны» к числу арен *proxu*-противостояния ваххабитского королевства и исламской республики добавился Йемен, где начиная с 25 марта 2015 г. Саудовская Аравия совместно с ОАЭ провела ряд крупных военных операций против повстанцев-хуситов, в то время как Иран выступил на стороне движения «Ансар Аллаха».

В целом же йеменский конфликт является для Саудовской Аравии вопросом не только национальной безопасности, но и внутренней стабильности, так как ярко выраженный конфессиональный подтекст противостояния оказал влияние на настроения среди шиитского меньшинства. Очередная волна протестов охватила Восточную провинцию в 2017–2020 гг. Формальным поводом послужил инцидент 12 мая 2017 г., когда в ходе перестрелки в г. Аль-Авамия погибли малолетний ребенок и пакистанский мигрант. Ситуация обрела столь серьезный харак-

17 Saudi Arabia: Appalling death sentence against Shi'a cleric must be quashed // Amnesty International. – 2014. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/10/saudi-arabia-appalling-death-sentence-against-shi-cleric-must-be-quashed/> (дата обращения: 15.05.2024).

18 NGOs Urge Sec. Kerry to Act in Case of Sheikh Nimr al-Nimr // Shia Rights Watch. – 2015. – URL: <https://shiarightswatch.org/ngos-urge-sec-kerry-to-act-in-case-of-sheikh-nimr-al-nimr/> (дата обращения: 15.05.2024).

тер, что для подавления беспорядков нацгвардии КСА потребовалось применить тяжелое вооружение и, по сути, взять город «в осаду», обнеся его заградительными сооружениями¹⁹.

Примечательно, что протесты начались на фоне визита Дональда Трампа, к которому был приурочен Эр-Риядский саммит 20–21 мая 2017 г. с участием представителей 52 государств – членов ССАГПЗ и ОИС. Иран и Турция бойкотировали встречу, что не помешало провести торжественную церемонию открытия Глобального центра по борьбе с экстремистской идеологией с говорящим названием «*И'атидаль*» (араб. «Умеренность»). Также в ходе визита между США и КСА было заключено оборонное соглашение общей стоимостью почти на 350 млрд долл., что дало повод для критики в адрес Белого дома не только в связи с поддержкой действий Эр-Рияда в Йемене, но и притеснением шиитов в Восточной провинции.

Следует отметить, что, несмотря на неоднозначный внешнеполитический курс и жестокое подавление протестов 2017–2020 гг., после прихода к власти короля Салмана в Саудовской Аравии начался новый этап реформирования, который прежде всего связан с деятельностью наследного принца Мухаммада ибн Салмана. Модернизационный проект «Видение: 2030» был представлен в апреле 2016 г. и со временем обрел, как выразился Г.Г. Косач, «черты национальной идеи» [Косач, 2021, с. 104]. В частности, «Видение:

2030» содержит обширную социальную программу, где вопрос межконфессиональных отношений напрямую не фигурирует, но ряд целей все-таки предполагает решение наиболее острых проблем. Как минимум можно выделить такие пункты, как «Продвижение ценностей умеренности и терпимости», «Укрепление национальной идентичности», «Равный доступ к образованию» и т. д.²⁰

4 августа 2021 г. в Мекке прошел форум Всемирной исламской лиги по вопросам межконфессиональных отношений в Ираке, во время которого, как считается, была озвучена новая позиция Саудовской Аравии по «шиитскому вопросу». Генсек ВИЛ Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Иса, выступая на открытии мероприятия, заявил, что «между суннитами и шиитами нет ничего, кроме братского взаимопонимания, образцового сосуществования, взаимопомощи и дополнения друг друга в искренней любви», а религиозные инстанции обеих общин должны «во имя ценностей религии и отечества» бороться с тем, кто «соскользнул в лабиринт такфиризма, столкновения и противостояния»²¹. Также в качестве сигнала о готовности Саудовской Аравии вернуться к диалогу с умеренной частью шиитских общин Ближнего Востока была воспринята встреча наследного принца Мухаммада ибн Салмана с лидером Национального движения мудрости («*Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний*») Аммаром аль-Хакимом – одним из ведущих шиитских шейхов Ирака²².

19 Inside the Saudi town that's been under siege for three months by its own government // The Independent. – 2017. – August 4. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-siege-town-own-citizens-government-kingdom-military-government-awamiyah-qatif-a7877676.html> (дата обращения: 15.05.2024).

20 Программа развития человеческого потенциала = برنامج تنمية القدرات البشرية // Видение КСА 2030 = رؤية السعودية 2030 – Араб. яз. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/vision-2030/vrp/human-capacity-development-program/> (дата обращения: 15.05.2024).

21 Форум по Ираку = منتدى المرجعية العراقية // Всемирная исламская лига = رابطة العالم الإسلامي – Араб. яз. – URL: <https://www.themwl.org/ar/forum-of-iraqi-references> (дата обращения: 15.05.2024).

22 Саудовская Аравия: Причина визита Аммара аль-Хакима и встреча с Мухаммадом ибн Салманом вызвали резонанс = السعودية: سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير نقاشا // CNN Arabic. – Араб. яз. – URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammara-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 15.05.2024).

Так или иначе, в перспективе создание более терпимой и открытой атмосферы в обществе может положительно сказаться на положении не только шиитской общины, но и иных меньшинств Саудовской Аравии. Однако на текущем этапе о практических результатах социальных реформ проекта «Видение: 2030» из-за отсутствия объективных показателей и достоверных источников судить достаточно трудно.

Заключение

С момента зарождения саудовской государственности «шиитский вопрос» является одним из важнейших факторов политического развития королевства. Долгое время положение шиитов оставалось вопросом внутренней стабильности, но после революции 1979 г. в Иране оно стало важным аспектом внешней политики Саудовской Аравии, которая претендует на лидерство не только среди суннитских стран, конкурируя в этом деле, как отметил А.А. Кузнецов, с Турцией и Катаром [Кузнецов, 2021, с. 80], но и во всём «исламском мире», где основным геополитическим и идеологическим оппонентом Эр-Рияда выступает Тегеран.

В контексте исследований положения шиитского меньшинства Саудовской Аравии среди продвигаемых королевством политических концепций можно выделить такие идеологии, как «исламская солидарность», «умеренность», так как религиозный экстремизм и терроризм для руководства страны являются одной из серьёзнейших проблем. После захвата группой радикальных салафитов Мечети аль-Харам в 1979 г. и начала деятельности воинствующих шиитских группировок (ОИРАП и «Хизбалла Хиджаза») в 1980-е годы власти крайне жестко реагировали на любые проявления недовольства. Однако с началом этапа

реформ 2000-х годов Эр-Рияд изменил подход и стал включать представителей умеренной оппозиции в формат «Национальных встреч», благодаря чему положение шиитов за счет социальных реформ и расширения их представительства на государственном уровне стало постепенно улучшаться.

Тем не менее незавершенность реформ, продолжение репрессий в отношении антисистемных элементов и ограниченный характер диалога власти с представителями шиитского меньшинства привели к настоящему взрыву протестной активности в период «арабской весны» 2010-х годов. Жесткие меры по пресечению беспорядков в Восточной провинции, арест и последующая казнь шейха Нимра ан-Нимра не просто вновь актуализировали «шиитский вопрос» в политической повестке, но и дали серьезный повод для критики в адрес Саудовской Аравии со стороны государств-оппонентов и международных правозащитных организаций. Также ситуация усугубилась на фоне начала военных операций в Йемене в 2015 г. и разрыва отношений с Ираном в 2016 г.

Очевидно, что без глубоких структурных преобразований социально-политической системы Саудовской Аравии положение шиитского меньшинства в стране измениться не может. Даже в случае успешной реализации проекта «Видение: 2030» решение «шиитского вопроса» потребует от Эр-Рияда серьезной и длительной работы не только внутри страны, но и на международной арене, так как противоречия между суннитами и шиитами не ограничиваются масштабами королевства и имеют крайне глубокие исторические корни. С учетом того, что с 1979 г. своеобразными полюсами развития суннито-шиитский взаимоотношений стали Саудовская Аравия и Иран, без встречного движения двух «тяжеловесов» мусульманско-

го Востока изменение динамики межконфессиональных отношений внутри ислама кажется невозможным.

Поворотным моментом здесь можно назвать нормализацию отношений между Эр-Риядом и Тегераном в 2023 г., так как продолжение данного процесса способно оказать положительное влияние на региональную динамику. Примечательно, что одной из площадок для предварительных переговоров КСА и ИРИ в 2021 г. стал Ирак – страна, в которой «суннито-шиитский вопрос» имеет особую специфику и крайне актуален, а ключевым посредником выступил Китай, который активно развивает торгово-финансовые связи с Эр-Риядом и военно-политические отношения с Тегераном. Тем не менее с момента подписания соглашения о нормализации прошло еще недостаточно времени, чтобы делать далеко идущие выводы, а сам процесс находится под угрозой из-за текущих событий в регионе и на международной арене.

Список литературы

- Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). – Москва : «Классика плюс», 1999. – 672 с.
- Кириченко В. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: социальный и политический аспекты // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 6 (276). – С. 134–147.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 97–108.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте «этапа реформ» // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2010. – № 5. – С. 303–324.
- Кузнецов А.А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). – Москва : Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 352 с.
- Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 209–221. – DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11.
- Субх М.А. О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ // Институт Ближнего Востока. – 2012. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=15136> (дата обращения: 15.05.2024).
- Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 107–112.
- Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 74–82.
- al-Mdaires F.A. Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups. – Abingdon : Taylor & Francis, 2010. – 304 p.
- Armstrong H.C. Lord of Arabia Ibn Saud: The Intimate Study of a King. – London : Kegan Paul, 2005. – 296 p.
- Beranek O. Divided We Survive: A Landscape of Fragmentation in Saudi Arabia // Middle East Brief. – 2009. – N 33. – URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb33.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).
- Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. – London : I.B. Tauris, 2009. – 276 p.
- DeLong-Bas N.J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. – Cairo : The American University in Cairo Press, 2005. – 370 p.

Evered E.Ö. Rereading Ottoman Accounts of Wahhabism as Alternative Narratives: Ahmed Cevdet Paşa's Historical Survey of the Movement // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. – 2012. – Vol. 32, no. 3. – P. 622–632.

Fahmy D. 5 fact about religion in Saudi Arabia // *Pew Research Center*. – 2018. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/04/12/5-facts-about-religion-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 15.05.2024).

Lacey R. *Inside the Kingdom*. – New York : Viking, 2009. – 466 p.

Matthiesen T. Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group // *Middle East Journal*. – 2010. – N 2. – P. 179–197.

Middle East Report №45: The Shi'ite Question in Saudi Arabia. – Brussels : ICG, 2005. – 20 p.

Mohammadi A. The Destruction of Jannat al-Baqi': A Case of Wahhabi Iconoclasm // *University of Toronto Undergraduate Journal of Middle East Studies*. – 2015. – N 8. – P. 47–56.

Nehme M.G. Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion // *Middle Eastern Studies*. – 1994. – N 4. – P. 930–943.

Sukkar A. Political reform and its impacts on political stability: a case study of the Kingdom of Saudi Arabia during the period from 1990 to 2010 (PhD thesis) // *VU Research Repository*. – 2010. – URL: https://vuir.vu.edu.au/17748/3.haslightboxThumbnailVersion/SUKKAR%20Atif-theses_nosignature.pdf (дата обращения: 15.05.2024).

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

The “Shi’a Question” in the Political Development of Saudi Arabia

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Researcher at the Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

CITATION: Ostanin-Golovnya V.D. (2024). The “Shi’a Question” in the Political Development of Saudi Arabia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 169–185 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

Received: 14.05.2024.

Revised: 07.09.2024.

ABSTRACT. *The article analyzes the influence of the “Shi’a Question” on the political development of Saudi Arabia. The relevance of studying interfaith relations in the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) is due to the religious specifics of the state, which is a powerful factor in the evolution of Riyadh’s domestic and foreign policy. The author describes the process of transforming the “Shi’a Question” from problems of internal stability of the kingdom into one of the most important elements of Saudi Arabia’s foreign policy. The methodological aspects of the study of interfaith relations in the KSA are covered. Particular attention is paid to determining the size of the kingdom’s Shiite community, using both the official 2022 census results and alternative estimates based on third-party data. The influence of the “Shi’a Question” on the development of bilateral relations between Saudi Arabia and Iran after 1979, as well as the relationship between the political dynamics of the Middle East and the transformation of Riyadh’s approaches to resolving issues of*

internal stability are separately examined. In conclusion, an assessment of the problems and prospects for the development of the KSA policy in the field of interfaith relations is presented against the background of reforms carried out within the framework of the Vision: 2030 program and current events in the region, including in the context of the normalization of Iranian-Saudi relations.

KEYWORDS: Saudi Arabia, Islamic factor, Shiism, Sunnism, Wahhabism, Sunni-Shiite conflict, Iran-Saudi relations, Middle East.

References

- al-Mdaires F.A. (2010). *Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups*. Abingdon: Taylor & Francis, 304 pp.
- Armstrong H.C. (2005). *Lord of Arabia Ibn Saud: The Intimate Study of a King*. London: Kegan Paul, 296 pp.

- Beranek O. (2009). Divided We Survive: A Landscape of Fragmentation in Saudi Arabia. *Middle East Brief*. No. 33. Available at: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb33.pdf>, accessed 15.05.2024.
- Chikrizova O.S. (2015). On the Question of the Methodology for Studying Sunni-Shiite Relations. *Bulletin of RUDN University. Series: International relations*. No. 3, pp. 74–82 (in Russian).
- Commings D. (2009). *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia*. London: I.B. Tauris, 276 pp.
- DeLong-Bas N.J. (2005). *Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad*. Cairo: The American University in Cairo Press, 370 pp.
- Evered E.Ö. (2012). Rereading Ottoman Accounts of Wahhabism as Alternative Narratives: Ahmed Cevdet Paşa's Historical Survey of the Movement. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. Vol. 32, no. 3, pp. 622–632.
- Fedorchenko A.V. (2013). Interfaith Contradictions in Saudi Arabia: the “Shiite Question”. *Bulletin of MGIMO-University*. No. 2 (29), pp. 107–112 (in Russian).
- Kirichenko V. (2015). The Situation of the Shiite Minority in Saudi Arabia: Social and Political Aspects. *Russia and the Muslim World*. No. 6 (276), pp. 134–147 (in Russian).
- Kosach G.G. (2010). Saudi Arabia: Center for National Dialogue in the Context of the “Reform Stage”. *Islam in the Near and Middle East*. No. 5, pp. 303–324 (in Russian).
- Kosach G.G. (2021). Saudi Arabia after the Arab Spring: Changing Domestic Policy. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. No. 3, pp. 97–108 (in Russian).
- Kuznetsov A.A. (2021). *Sunni-Shiite Contradictions in the Context of the Geopolitics of the Middle East Region (1979–2016)*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publishing House, 352 pp. (in Russian).
- Lacey R. (2009). *Inside the Kingdom*. New York: Viking, 466 pp.
- Matthiesen T. (2010). Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group. *Middle East Journal*. No. 2, pp. 179–197.
- Middle East Report... (2005). *Middle East Report №45: The Shiite Question in Saudi Arabia*. Brussels: ICG, 20 pp.
- Mohammadi A. (2015). The Destruction of Jannat al-Baqi': A Case of Wahhabi Iconoclasm. *University of Toronto Undergraduate Journal of Middle East Studies*. No. 8, pp. 47–56.
- Nehme M.G. (1994). Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion. *Middle Eastern Studies*. No. 4, pp. 930–943.
- Ostanin-Golovnya V.D. (2022). Turn to the Middle East: The Factor of “Islamic Awakening”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 2, pp. 209–221 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11.
- Subh M.A. (2012). On the Persecution of Opposition Representatives in some GCC Countries. *Middle East Institute* (in Russian). Available at: <http://www.iimes.ru/?p=15136>, accessed 15.05.2024.
- Sukkar A. (2010). Political reform and its impacts on political stability: a case study of the Kingdom of Saudi Arabia during the period from 1990 to 2010 (PhD thesis). *VU Research Repository*. Available at: https://vuir.vu.edu.au/17748/3/haslightboxThumbnailVersion/SUK-KAR%20Atif-theses_nosignature.pdf, accessed 15.05.2024.
- Vasiliev A.M. (1999). *History of Saudi Arabia (1745 – end of the twentieth century)*. Moscow: “Classics Plus”, 672 pp. (in Russian).